

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
ОДНО КРЫЛО
НА ДВОИХ

Ещё шаг по барханам Мэйи, ещё один день под палящим Ортом. Вечный скиталец, кит Дархи Тау, плыл над миром, память о былом оседала и покрывалась новыми витками пути, а время текло как песок, гонимый орхами. Лишь звёзды всё так же были неизменны, но чтобы увидеть их, придётся дотянуть до заката и чуточку дольше.

— Мёртвые приветствуют тебя, путник, — голос хранителя некрополя был подобен пению северного ветра: даже в самый жаркий день он вызывал бег маленьких морозных муравьёв по хребту.

Эша невольно повела плечами, чтобы прогнать холодок, и ответила принятым в пустыне Мэйи жестом и словом:

— Живые чтят мёртвых и держат свой путь, — правая рука в перчатке, звякнув браслетами, коснулась левого плеча.

Стражи колодца стояли вокруг чёрной дыры, теряясь среди статуй древних правителей, героев, богов. Они читали молитвы Бездне — значит, сегодня кто-то вновь переселится из города живых в город мёртвых.

Элвинг шла мимо плит надгробий, стараясь как можно быстрее пройти дорогой Последнего Пути в Аббарр — величественный город, выросший из белых гор Энхар и распутившийся чёрным цветком на золотых песках.

«Древний как Мир, сладкий как Жизнь, беспощадный как Смерть» — так говорили о нем. Один из семи оплотов Древних, ныне самый могущественный и неподвластный времени. Величие. Красота. Масштаб. Ослепительный блеск пронзающих небо башен и ажурных архитектурных ансамблей, хрустальные фонтаны и зелёные острова садов, благоухание цветов и перезвон золота. Но за внешним лоском и очарованием — тёмная тень свободы. Той, что покупается и продаётся. Чёрный рынок диковинных зверей, артефактов, оружия, зелий и оплот развлечений на любой самый извращённый вкус и тугой кошелёк. Излюбленное пристанище изгоев Большого Мира.

Аббарр, единожды пленив, не отпускал. Эша чувствовала его власть на себе, всё сильнее прикипая к этому городу контрастов. Неудивительно, что жившие в нём хотели провести вечность в точной копии оплота, а некрополь был именно таков, хоть и немного уступал в размерах. Всё-таки мёртвые не столь прихотливы.

«Ррабба» — Эша слышала это слово в пении стражей, и, казалось, сам песок откликнулся на их зов. Название, отражённое, словно в зеркале, как и выложенные плиты могил, символизировали сектора и кварталы¹ мира живых.

Почти месяц Эша провела в оазисе Тирха, исследуя архивы. Пусть поиски и не принесли того, на что она надеялась, но и даром не прошли. Выбившись из сил, скрипя зубами от злости, эвинг признала, что пора возвращаться. Сбыть то, что

---

¹ Кварт — часть территории города; кварта — четверть часа/платы. Аббаррцы любят «четвертины».

удалось найти, протянуть на выручку какое-то время и получить очередной контракт, который будет под силу выполнить ей одной.

Эша сжала кулаки. Тирха вымотал её. Одежда покрыта пустынной пылью, местами протёрта и порвана. Волосы прилипли ко лбу, голова зудит от песка. Ссадины на лице и руках противно ноют и наливаются огнём, стоит лишь лучам орта коснуться оголённой кожи. Она выглядела как барханный скиталец, из тех, что сопровождают караваны, на последние медяшки совершая паломничество от Аббарра к Имолу, дабы омыть ступни и лицо в бездонном озере.

Признаться, сейчас она бы с удовольствием прыгнула в это самое озеро целиком. Эша зажмурилась. После утомительного пути через пески единственное, чего она хотела — это быстрее вернуться в снятую на границе торгового и ремесленного секторов комнату. Поест, помыться, поспать и снова поест — это был план максимум на ближайшие дня два. Или три. И ради этих заветных трёх «по» она готова стерпеть мрачные напевы хранителей Ррабба, соблюсти пустынные ритуалы, игнорировать неодобрительные взгляды стражей, лишь бы не делать крюк к Золотым воротам.

Оставив позади «спящих» и лишь недавно уснувших, Эша улыбнулась в предвкушении отдыха, добавив в список кувшин холодной лимры из терпких плодов милорвы.

Она уже различала узоры каменного кружева внешних стен города. Справа высилась башня Силы — центр сектора казарм и наёмников, а слева — башня Син — пик лепестка развлечений.

Мысли прыгали, цеплялись, впивались острыми иглами в утомлённый жарой, дорогой и пламенем разум. Прошлое мешалось с настоящим, шептало о будущем и расслаивалось на мириады путей и вариаций. Как знать, может, именно там дочь сенатора Силурии, из-за которой разразился скандал на последней Регате, окончила дворянскую жизнь. Один из еженедельных аукционов мог с лёгкостью «даровать» ей новую — в качестве наложницы правителя, игрушки богатея или служительницы элитного дома любви.

Слухи ходили разные. Эша старалась не упустить ни одного. Может, лишь они и держали в этом мёртвом краю? Бездна не прощает... Не это ли стало её навязчивой идеей? План воздаяния, сладкая месть за все потери и скитания...

Парме Илламиль. Эша никогда не видела её, но имя навсегда осталось в памяти. Безликая высшая элвинг, из-за которой изменилась вся жизнь девочки из Пугатона: потеря друзей, испытания, угроза казни, жизнь у пиратов. И когда уже не оставалось надежд, Чёрный Ворон Виталона дал ей новые крылья и новое имя, приняв в команду. Так в солёных брызгах волн Архипелага родилась Ашвинг — Пепельная Птичка... А в песках Мэй она превратилась в наёмницу и охотницу за артефактами Ашри — так на местном диалекте звучало имя «Эша». Временами элвинг скучала по былому. Иногда ей снился корабль в облаках, полный надежд и радости, но чаще во снах океан Овару разбивал в щепки совсем другое судно. Порою в гуле кабаков чудились голоса разудалой команды Виталона, но всё ещё в тёмных углах и проулках Эша

видела клубившийся морок, а в толпе — лица мертвецов. Ей не хватало лихой пиратской жизни под крылом «Чёрного Дракона»... Но все они были в опасности, находясь с ней рядом.

Прошлое лучше оставить в прошлом.

Эша задержалась, чтобы полюбоваться закатом: солнце почти скрылось за Энхар, горами, чьё название означало Клыки. Белые острые скалы отделяли город от моря, острой пастью окружая весь материк Мэйтару.

Лучи алыми лентами зацепились за центральную башню Аббарра. Шпиль Времени, Великий Хронограф, пробил, возвестив багряный час — время начала церемонии погребения.

У ворот элвинг показала пропуск-жетон.

— Кварту «лани»² за ночной вход, — пробасил бист, сплошь покрытый шипами.

— Солнце ещё не село, — возразила Эша, не желая переплачивать.

— Кварту «лани» за ночной вход, — повторил бист и ткнул в табличку на стене, согласно которой ночь начиналась с багряного часа.

Получив сдачу с силурийского серебряного, Эша поймала извозчика и, под мерный перестук копыт гвара, наблюдала за мелькавшими за окном домами и башнями лепестков Аббарра. Шесть секторов сходились через треугольник площади к главной башне, где правил очередной Орму — золоторогий бист, в окружении сильнейших и мудрейших советников.

---

² Малая лань Северных земель («ланька», «олешка») — одна из пяти монет Большого Мира. Сто «ланей» равно одному «дракону».

Покинув пиратский город Виталон и команду «Чёрного Дракона», Эша не раз посещала Аббarr, а последний год так и совсем не покидала его надолго. Всё это время ей удавалось держаться в тени, не привлекая лишнего внимания. Её постоянный двор удачно стоял между двумя самыми «болтливыми» секторами: торговцев и ремесленников. Так она и жила, слушая новости, приносимые караванами и следя за появляющимися магическими артефактами, максимально извлекая пользу из первого и второго.

Но слухи о драконьей птичке просочились в песок, подкрались к стенам и, найдя трещинки, проникли внутрь, тихим шёпотом и косыми взглядами расплзаясь по улочкам города, словно веточки чёрной скверны, отравляя умы и зажигая огоньки в алчущих награды глазах.

Элвингов на земле бистов не часто встречали, разве что на торгах рабами, где за чистокровку высших платили рубинами — самой ценной валютой этого мира. Неприязнь между любимыми детьми Творца и чудовищами, слепленными из остатков творения, расцвела пышным цветом в Силурии и аукнулась здесь, на краю света. Если закон и порядок Парящих островов не давал разгореться пламени, то на Мэйтару, месте, что не была нанесена ни на одну официальную карту, элвинги старались не появляться.

Эше повезло — от элвинг ей достались лишь уши, да и те росли под другим углом. А вот в коротких прядях бледно-лиловых волос, смуглой коже необычного, слегка фиолетового цвета, угловатой фигуре да хмуром взгляде никому бы и в голову не пришло роднить её с нобиями Силурии.

План трёх «по» удался на славу. Эша проснулась в отличном настроении и с очередным приступом голода. Накинув плащ и надвинув капюшон на глаза, она отправилась к торговому кварту. Неприметные чёрные одежды всё ещё позволяли оставаться неузнанной. Но даже самые незначительные попытки общения, контакты, привычки и связи подводили к опасной черте. А после того, как Клыкарь — напарник и друг — оставил Мэйтару, пустившись в странствие по Архипелагу, Эше самой приходилось искать заказы и сбывать найденные в руинах артефакты. Она знала, что день, когда придётся оставить пески и вновь пуститься в путь, совсем рядом. Но куда было идти? Она и так уже дошла до самого края света, без возможности повернуть обратно.

Удачно продав находки из руин, Эша завернула к банку, с прискорбием обнаружила в хранилище последние два рубиновых кристалла и скромную горку монет, вздохнула и, прежде чем вновь отправиться на поиски работы, решила подкрепиться и проведать старого знакомого.

Фруктово-овощные развалы ощущались задолго до того, как появлялись в поле зрения: аромат экзотических плодов, мятная свежесть холодного утреннего чая, терпкие нотки лимры дразнили нос раньше, чем глаз мог увидеть пёструю радугу прилавков.

— Пусть лучи не сожгут тебя, Вэл³ Стурион, — поприветствовала элвинг торговца.

---

³ Вэл/Вэлла — уважительное обращение к мужчине/женщине, принятое на земле Мэйтару.

— Пусть пустыня хранит твой след, Вэлла Ашри, — ответил пожилой, но ещё крепкий бист с заметными витыми рогами.

Остановившись у корзины с яблоками, Эша взяла одно: идеальное, цвета имперского кровавого янтаря. У Стуриона весь товар был отменного качества. И в самый ранний час, благодаря стараниям нанятых мальчишек, прилавки ломились от тщательно вымытых и отобранных овощей и фруктов. А всё, что имело изъян, стояло в коробах рядом: для тех, кто не мог купить себе лучшее. Эша знала, что сам Стурион, прежде чем стать уважаемым торговцем, познал немало лишений. Были в его жизни и голод, и бедность, и что-то похуже, о чём он не любил рассказывать. Поднявшись, встав крепко на ноги и открыв лавку в плодовом квартале, он всегда помнил о том, что хорошие дни легко могут испариться, как капля воды в пустыне, исчезнуть, даже не коснувшись пылающего песка.

Эша с грустью взглянула на чёрные камни мостовой, белые мраморные колонны, арки и многочисленные мостики и пролёты. Ей будет не хватать этого гадкого города, шуточек продавца фруктов, пения девчушки-аллати из дома напротив, весёлых турниров в кабаке «Разбитая Гавань», боя Великого Хронографа...

— Птичка Вёрона... — услышала она шёпот за спиной. — Пепельная Ашвинг...

В глазах эвинг вспыхнул огонёк, пальцы сомкнулись, и плод треснул, брызнув соком. Не оборачиваясь, она услышала быстрые удаляющиеся шаги.

— Экая напасть эти фрукты, — сочувственно покачал головой Стурион, протягивая платок. — Так

сложно угадать время, чтоб не сорвать зелёными и не передержать.

— Ваша правда, Вэл Стурион, — ответила Эша, вытирая руку. — Время сложно обуздать...

— ...остаётся лишь подружиться с ним, — закончил излюбленное изречение горожан торговец.

Дальше по улице шумели дети. Эша бросила беглый взгляд: возле доски объявлений несколько парнишек постарше гоготали над более мелким товарищем. Сила и слабость. Слабые в этом городе не имели шансов. И с ранних лет приходилось отвоёвывать своё право жить. Под палящим солнцем Аббарра каждый делал это по-своему: с помощью ума, ловкости, таланта, красоты, мышц или влиятельных покровителей.

Расплатившись с торговцем, Эша подошла к доске объявлений. Работа её сегодня не интересовала, внимание привлекло совсем иное — афиша Великой Арены. Рука в чёрной перчатке потянулась к листку и, сорвав, смяла. Глаза сверкнули лиловым огнём.

Двое телохранителей преградили путь хрупкому путнику в чёрном капюшоне, скрывающем лицо. Но стоило ему назвать имя, как два каменных биста, переглянувшись, расступились, опустив секиры.

Эша подошла к заваленному бумагами столу первого устроителя Великой Арены — грузному низкорослому бисту с сияющей лысиной и двумя рожками, чей недостаточный размер должна была

компенсировать тонкая золотая роспись. Тхарод — один из самых беспринципных обитателей Пустынного города.

Всё золото его рогов было нажито на пороках, страстях и сделках на крови. Вот и сейчас он принимал ставки на предстоящий бой. Эша втиснулась перед первым в очереди, вызвав протесты присутствующих, и кинула на стол мятый листок.

— Я покупаю этого, Тхарод, — эвинг специально опустила принятое в пустыне вежливое обращение «вэл», так как единственным, что она испытывала к устроителю, было презрение.

Два каменных биста-телохранителя сделали шаг вперёд, чтобы выставить нахалку прочь, но Тхарод жестом остановил их. Казалось, он не был удивлён приходу эвинг, или же старался тщательно это скрыть. А может, крутившийся за спиной Тхарода служка уже нашептал ему о ней. Пухлые пальцы с длинными золотыми когтями расправили бумажку. Клыки обнажились в мерзкой улыбке.

— Птичка летит к птичке, — заклокотал Тхарод, довольный своей шуткой.

На афише, сорванной с доски, был нарисован кайрин — грифон, крылатый зверь с когтистыми лапами и клыкастым клювом. Витая надпись сулила небывалое зрелище: бой на Великой Арене «до последней песчинки» — проще говоря, до последнего бойца.

Эша молчала. Зрачки-крестики сузились, практически превратившись в точку.

— А ты гораздо симпатичнее и моложе, чем о тебе говорят, Ашвинг. Или тебе больше нравится Белая Длань Дракона?

Бист облизнулся. Элвинг лишь приподняла бровь. Она научилась скрывать эмоции, тем более в делах с торговцами Аббарра, где первое правило гласило: проявленный при торгах интерес к предмету покупки может вылиться в немалые дополнительные расходы.

Нагнувшись к Тхароду, элвинг опустила руку в карман, улыбнувшись тому, как напряглись каменные лица телохранителей за его спиной. Вот и пригодятся взятые в банке монеты и камни. И именно за ними она полезла, а вот ножи висели на бедре, на поясе, были заткнуты в сапог... Одним словом, волноваться истуканам пока было не о чем.

Телохранители звякнули было оружием, но Тхарод жестом вновь остановил их.

Эша разжала кулак и показала строителю крупный рубин превосходного качества — багровый, как кровь, и чистый, как слеза. Тхарод облизнулся и причмокнул. Он давно не видел таких. После того, как основная шахта Силурии истощилась, за подобный камушек можно было выручить целое состояние. Не говоря уже о том, что этот мешок костей стоил гораздо меньше. Если быть честным, то стоил он не больше живого гвара или обрезков в лавке мясника на треть веса самого кайрина. Но где вы видели честного торговца? И Тхарод вряд ли бы добился всего, что имел, будь он порядочным и честным бистом хотя бы на треть.

Выказать согласие сразу было бы крайне непрактично и пагубно для репутации. Первый строитель Великой Арены с огромным трудом отвёл